

УДК 007

Наука как социальный институт и конструктивистская форма познания

**ЛЕБЕДЕВ
СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Московский государственный технический
университет
имени Н. Э. Баумана, кафедра философии,
Москва, Российская Федерация, saleb@rambler.ru*

Ключевые слова:

научная профессия
социология науки
эпистемология
методы научного познания

Аннотация:

В статье проанализированы две проблемы: наука как социальный институт и его особенности и наука как конструктивистская форма познания. Первая проблема является главной в социологии науки, вторая – в теории научного познания или эпистемологии. Было показано, что эти проблемы взаимосвязаны и являются двумя аспектами более общей проблемы: науки как социально-конструктивной деятельности познания. Социология исследует науку как особую социально-когнитивную систему, целью которой является производство научного знания и его применение. При этом она сосредотачивает свое внимание на роли и функциях научных коммуникаций внутри дисциплинарного научного сообщества как основного субъекта научной деятельности. Предметом эпистемологии является природа научного познания, его структура и методы конструирования различных единиц научного знания. Общим основанием социологии науки и эпистемологии является признание социального характера научной деятельности и фундаментальной роли научного консенсуса в производстве и легализации любых результатов научной деятельности, оценку их познавательной и практической значимости.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2026 года

Опубликована: 30 марта 2026 года

Наука и научное познание стали предметом профессионального социологического анализа только в 30-х годах XX века. Согласно создателю социологии науки как научной дисциплины Р. Мертону ее главной целью является нахождение и формулировка основных законов функционирования науки как особой социальной структуры, главной задачей которой является производство «удостоверенного научного знания» и его применение на практике [20]. В социологии науки термин «удостоверенное знание» означает не «объективно-истинное», а знание, принятое в качестве такового научным сообществом в данное время. Если завтра в связи с прогрессом науки содержание научного знания резко изменится, то для его «удостоверения» научное сообщество в принципе может ввести другие критерии и оценки.

В социологии науки в качестве основного субъекта научной деятельности рассматривается не отдельный ученый, а дисциплинарное научное сообщество. Соответственно объектом ее анализа

становится не содержание научного знания и его различных единиц (идей, теорий, гипотез, наблюдений или научных законов), а вклад научного сообщества и его участников в развитие соответствующей научной дисциплины. Новое научное знание получает статус вклада (а автор – приоритет) только после того, как будет доказано его соответствие существующим в данной области науки критериям научности и когда этот вклад будет доведен до научного сообщества по стандартным информационным каналам. В условиях острой конкуренции, когда над одной проблемой во всем мире часто работают сотни исследователей, такое понимание научного вклада – единственный способ смягчить остроту борьбы ученых за приоритет и придать ей цивилизованную форму. В случае, если новый квант научного знания будет опубликован в соответствующем дисциплинарном журнале, он признается событием, «закрывающим» исследуемую проблему на данный момент. С этого времени он входит в массив дисциплинарно организованного знания. Содержание новой единицы научного знания можно продолжать обсуждать или даже опровергать, но им нельзя пренебрегать, ибо это будет свидетельством некомпетентности. Таким образом, вкладом в дисциплинарное научное знание (основным мерилем заслуг ученого перед сообществом) является либо его перевод в разряд решенных научных проблем, либо его опровержение или корректировка.

Р. Мертоном был также сформулирован ряд общих принципов научной деятельности (этнос науки), которые выполняют функцию нормативной основы для оценки поведения ученого: **универсализм, коллективизм, организованный скептицизм и бескорыстие [20].**

Универсализм. Согласно Мертону этот принцип утверждает внеличностный характер научного знания. Научные высказывания относятся к характеристике свойств объективно существующих явлений и их взаимосвязей, а поэтому они должны быть универсальны, то есть справедливы везде, где имеются аналогичные условия, а их истинность не зависит от того, кем конкретно они были высказаны. Универсализм означает также провозглашение равных прав на занятия наукой и на научную карьеру для людей любой национальности и общественного положения. Это требование обеспечивает не только демократический, но и интернациональный характер науки и научного познания.

Коллективизм. Этот принцип предписывает ученому незамедлительно передавать результаты своих исследований в пользование научному сообществу. Научные открытия являются продуктом сотрудничества, образуют общее достояние, в котором доля индивидуального «производителя» ограничена; а потому ему следует сообщать свои открытия другим ученым тотчас после проверки, свободно и без предпочтений. «Право собственности» в науке (речь идет о фундаментальной науке) фактически существует лишь в виде признания приоритета автора.

Бескорыстие. Этот принцип предписывает ученому строить свою деятельность так, как будто, кроме постижения истины, у него нет никаких других интересов. По сути дела этот императив является максимальным выражением «академической свободы», на которую претендует настоящий ученый. Р. Мертон излагает требование бескорыстности также как предостережение ученым от поступков, совершаемых только ради достижения более быстрого или более широкого профессионального признания внутри науки.

Организованный скептицизм. Этот принцип Р. Мертон рассматривает как главную особенность метода естественных наук, требующего по отношению к любому предмету детального объективного анализа, исключающего возможность некритического приятия. В науке не действует аналог презумпции невиновности. Автор вклада должен доказывать критикам ценность и перспективность своего результата. Они же не только вправе, но и обязаны сомневаться, ограждая существующий корпус знания от недостаточно обоснованных претензий. Императив организованного скептицизма создает атмосферу ответственности, институционально подкрепляет профессиональную честность ученых, предписываемую им нормой бескорыстия. Ученый всегда должен быть готов к критическому восприятию своего результата.

Функциональный смысл императивов научного этоса, их ориентирующая роль в поведении ученого обусловлены тем, что сама система распределения признаний и, соответственно, мотивация исследователя постоянно ставят его в ситуацию жесткого выбора одной из альтернатив.

Этот набор альтернатив Р. Мертон формулирует в виде списка, каждая позиция которого предполагает выбор между равно обоснованными стратегиями поведения – «амбивалентности».

Так, ученый должен:

1. как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но он не должен торопиться с публикациями;
2. быть восприимчивым к новым идеям, но не поддаваться интеллектуальной «моде»;
3. стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но при этом

работать, не обращая внимания на оценки других;

4. защищать новые идеи, но не поддерживать опрометчивые заключения;

5. прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;

6. быть крайне тщательным в формулировках и деталях, но не быть педантом, ибо это идет в ущерб содержанию;

7. всегда помнить, что знание универсально, но не забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;

8. воспитывать новое поколение ученых, но не отдавать преподаванию слишком много внимания и времени;

9. учиться у крупного мастера и подражать ему, но не походить на него.

В настоящее время исследование науки как особого социального института стало одной из зрелых областей современной социологии, играющей важную роль в эффективной организации, управлении и прогнозировании науки. В современной социологии функции науки как социального института описаны достаточно подробно. В отечественной социологии науки наиболее четкая характеристика социальных функций науки дана в статьях Э. М. Мирского, а также в ряде наших монографий и учебных пособий [1; 2; 3; 4; 5; 6; 12].

Социальные характеристики научной профессии

Областью общей социологии, наиболее близкой к социологии науки, является социология профессий, которая эмпирически отталкивается от образцов поведения различных профессиональных сообществ. Социологическое исследование науки предполагало исследование специфического для науки проявления характеристик, признанных в качестве главных признаков людей всех свободных, то есть максимально творческих профессий.

Необходимыми признаками таких профессий являются [7]:

1. Обладание некоторой совокупностью специальных знаний, за хранение, передачу и расширение которых ответственны социальные институты данных профессий. Именно обладание такими знаниями отличает профессионалов от «непосвященных». Демонстрация такого обладания получила название экспертизы.

2. Автономность профессии в привлечении новых членов, подготовке и контроле их профессионального поведения. О профессионалах судят не по таким вещам, как манеры, место рождения или политические убеждения, а по их владению соответствующими знаниями и степени участия в их умножении. Поскольку по этим критериям профессионала могут оценивать только коллеги, каждая профессия должна отвоевать и иметь для себя значительную автономию.

3. Наличие внутри профессии форм вознаграждения, выступающих достаточным стимулом для специалистов и обеспечивающих их высокую мотивацию относительно профессиональной карьеры. Речь идет о потребности в таком вознаграждении, которое служило бы достаточным стимулом для профессионалов, будучи подконтрольно именно членам данной профессии, а не посторонним людям.

4. Заинтересованность социального окружения профессии в продукте деятельности ее членов, гарантирующая как существование, так и действенность профессиональных институтов. Для самосохранения профессии необходимо установление между ней и ее общественным окружением таких отношений, которые обеспечивали бы ей не только поддержку, но и охрану от непрофессионального вмешательства в ее главные интересы.

Культурная составляющая научной профессии [1; 7]

Главной культурной составляющей научной профессии является научное знание как особый вид знания, имеющий для общества существенное мировоззренческое и практическое значение. Не менее важной ее культурной составляющей является то, что производимое ею знание является продуктом, принадлежащим не отдельному ученому, а научному сообществу, как социальному субъекту научно-познавательной деятельности, результатом его усилий по производству и применению знания в соответствии с принятыми в дисциплинарном сообществе методологическими стандартами. Результаты научной деятельности всегда представляются сообществу в четко стандартизированной форме научной публикации (устной или письменной), в которой закрепляется и содержание результата, и имена его авторов. При этом массив актуально действующих в любой момент времени публикаций в той или иной области науки расчленен на «эшелоны», находящиеся на различном удалении от переднего края исследований. Для ученых эти «эшелоны» выступают в виде различных жанров публикаций (статья, обзор, монография...). Знание, опубликованное в любом научном жанре, сохраняет свою актуальность лишь некоторое время. Срок жизни продлевается для тех элементов научного знания, которые после

отбора переходят в публикацию более высокого жанра: из статьи – в обзор, из обзора – в монографию, а из монографии – в учебник.

Структура массива публикаций

«Вход» в массив публикаций состоит из статей, сообщающих о результатах исследований. В процессе исследования и особенно когда оно завершено, задачей его участников является выделение из общего результата (выполненного для определенной цели) тех его фрагментов, которые представляют интерес для их дисциплин и могут быть расценены как вклад в их знание. Эти интерпретированные в дисциплинарных терминах фрагменты общего результата, на авторство которых исследователь претендует перед дисциплинарным сообществом, в конце концов оформляются в виде статьи для соответствующего специального журнала. Сделав этот шаг, ученый представляет свой вклад на теоретически бессрочную экспертизу (рецензирование и оценка рукописи, чтение и оценка статьи, использование ее содержания в пополнении или перестройке знания по какой-либо проблеме и т. д.). Правами эксперта в той или иной форме обладает любой коллега, точно так же, как автор данной статьи приобретает такое право относительно всех остальных публикаций дисциплины, причем это право формализуется и растет вместе со статусом ученого. Для оценки публикационных жанров как особых «эшелонов» дисциплинарного массива публикаций можно расположить их в зависимости от временной удаленности от «входа». В качестве измерителя можно взять минимальный отрезок времени, который необходим, чтобы полученный научный результат мог быть опубликован в каждом из жанров.

Тогда последовательность прохождения нового научного результата через все эшелоны будет выглядеть следующим образом:

- 1) статьи (журнальные статьи и публикации докладов научных собраний) – 1,5–2 года;
- 2) обзоры (подтверждающие сообщения, обзоры периодики и обзоры научных собраний, проводимых дисциплинарной ассоциацией за какой-либо период времени) – 3–4 года;
- 3) монографии (тематические сборники, монографические статьи, индивидуальные и коллективные монографии) – 5–7 лет;
- 4) учебники (учебники, учебные пособия, хрестоматии, научно-популярные изложения содержания дисциплины и т. п.) – 7 лет и более.

Все это дает основание утверждать, что с точки зрения организации знаний мы можем наблюдать в развитии науки два различных процесса, в чем-то аналогичных онтогенезу и филогенезу в биологии. Онтогенетический процесс локализован между передним краем и, скажем, эшелоном учебников. В ходе этого процесса знание, научное по определению (результат научного исследования, находящийся в органической связи с другими компонентами знания), превращается в знание, научное по истинности (встраивается в структуру удостоверенных научным сообществом теоретических и нормативно-ценностных представлений определенной дисциплины). На этом онтогенез заканчивается – результат прекращает свое изолированное существование, утрачивает свои генетические связи с исследованием, с позицией индивидуального автора или некоторой научной группировки. Он становится новой единицей научного знания (законом, эффектом, константой, переменной и т. п.). После этого любое действие с ним, любое его изменение может происходить только в рамках филогенеза той научной дисциплины, к которой данный элемент принадлежит [7; 4].

Функции массива публикаций

Общность и структура дисциплинарного массива публикаций имеют большое значение для консолидации и стратификации научного сообщества дисциплины. Появление имени того или иного члена сообщества в нескольких эшелонах публикаций является признанием его статуса и оценкой его вклада в дисциплину. Эта оценка идет по двум линиям. Первая представляет собой характеристику исследовательского результата как вклада в развитие содержания дисциплинарного знания. Такая оценка фиксируется цитированием работы в последующих публикациях. В этом качестве публикации различных эшелонов далеко не равноценны: например, одно-единственное упоминание работы в учебнике «сбóит» в глазах сообщества дисциплины десятков и сотен журнальных ссылок. Вторая линия связана с высоким престижем непосредственного участия члена сообщества в формировании отдельных публикационных эшелонов, его деятельности в качестве члена редколлегии журнала, автора монографии, учебника и т. п. Отвлекаясь сейчас от особенностей каждой из этих линий накопления статуса, следует подчеркнуть, что реализация каждой из них становится возможной лишь благодаря наличию общего для дисциплины эшелонированного массива публикаций [4; 5].

Воспроизводство научной профессии как социальной системы

Для сознательного выбора профессии ученого молодые люди уже в процессе учебы в вузе должны представлять свои перспективы на этом поприще. Однако точка, из которой может быть видна такая

перспектива, с течением времени стала отдаляться все больше. В XIX веке выпускник вуза имел уже достаточные представления о своей научной профессии, чтобы сделать осознанный выбор. А получение им первой ученой степени окончательно определяло траекторию его научной карьеры. В конце XX века ситуация в мировой науке существенно изменилась. Во многом это было связано, с одной стороны, с тенденцией старения научных кадров и неблагоприятного изменения их возрастной структуры, а с другой – с «утечкой мозгов» в связи с глобализацией мировой науки.

Анализ показал, что, во-первых, обе проблемы тесно связаны между собой, а во-вторых, что чисто финансовые вливания или увеличение выпуска аспирантов оказываются недостаточно эффективными для решения этих проблем. Было установлено, что в структуре кадрового потенциала стран-доноров непропорционально растет удельный вес двух категорий ученых: тех, кто учит (старшие возраста), и тех, кто учится (молодежь 25–28 лет). А вымываются прежде всего кадры наиболее продуктивного возраста (28–43 года) – те, кто должен работать наиболее эффективно. Для эффективного решения обеих проблем в развитых странах была предложена новая организационная форма научной деятельности – постдоковские стажировки. Суть ее состояла в том, что молодой исследователь, получивший степень, в течение ряда лет может работать в различных исследовательских командах. Такая миграция на практике показывает как научному сообществу, так и самому ученому, чего он стоит и на что может претендовать. После этого он уже осознанно, на основе личного опыта, определяет выбор своей дальнейшей научной карьеры: либо остается исследователем в статусе «senior researcher», «principal investigator», либо занимается преподаванием, либо уходит в научный менеджмент, либо становится консультантом бизнес-корпорации.

Выяснилось, что институционализация постдоковских стажировок одновременно внесла также вклад в решение проблем управления наукой, существенно модифицировав научную бюрократию. Во-первых, основой оценки научных организаций стала их привлекательность для потенциальных стажеров – части сообщества, наиболее мотивированной научной карьерой. Во-вторых, основой оценки научных и учебных организаций стала привлекательность их аспирантов для стажировок в других организациях. В-третьих, появилась стандартная процедура постоянной горизонтальной миграции исследователей как средство от застоя. В-четвертых, появилась столь же стандартная процедура быстрой мобилизации наиболее состоятельной и мотивированной части исследовательского потенциала на перспективных направлениях исследовательского фронта.

А как же обстоит дело с положительным решением проблемы «утечки мозгов»? Многочисленные исследования показали, что такое решение зависит от двух факторов. Первый фактор – это наличие внутри страны хороших или просто нормальных условий для **внутренней** миграции и интенсивного обмена кадрами. Второй фактор – это способность существующей системы государственного управления наукой обеспечивать карьеру ученого (его право на занятие кафедр, руководства лабораториями и т. п.) в первую очередь и главным образом по результатам его научных исследований. Оказалось, что чем большее значение в системе государственного управления наукой придается различным формальным критериям, чем больше бумажных барьеров должен преодолевать ученый для получения официального статуса, тем больше в этой стране происходит «утечка мозгов» и, соответственно, быстрее идет старение кадрового потенциала ее науки. На примере анализа проблемы «утечки мозгов» в европейских странах было установлено, что наиболее серьезный характер она имеет в тех странах, где существуют сильные бюрократические традиции управления наукой [8].

Типы научных коммуникаций

Внутри системы научных коммуникаций обнаруживаются четыре четко различающихся типа связей между учеными:

- 1) коммуникация как серьезное обсуждение научных исследований и их результатов;
- 2) соавторство, когда два или большее число ученых вместе получают и сообщают о результатах своих совместных исследований по той или иной тематике;
- 3) наставничество, когда ученик проходит подготовку под влиянием своего учителя;
- 4) коллегиальность, когда ученые работают в одной и той же лаборатории.

С одной стороны, в течение своей интеллектуальной жизни некоторые ученые активно участвуют в научных коммуникациях, часто разрывая старые научные связи и устанавливая новые. С другой стороны, многие ученые образуют постоянные связи, особенно пары «учитель – ученик», соавторы и т. д., демонстрируя свидетельство постоянства. Коллегиальные же отношения между учеными длятся иногда год, а иногда сохраняются на весь период их научной карьеры. Это зависит от многих факторов их личной, социальной и научной жизни.

Фазы развития научной специальности

В ходе социологических исследований становления новой научной специальности были выделены четыре фазы, через которые проходит этот процесс.

Нормальная фаза. Это – период относительно разрозненной работы будущих участников и их небольших групп (часто это группы аспирантов во главе с руководителем) над близкой по содержанию проблематикой. Общение идет, в основном, через формальные каналы, причем его участники еще не считают себя жестко связанными друг с другом внутри какого-нибудь объединения. Эта фаза в истории специальности конструируется ретроспективно только в тех случаях, когда новая специальность сформировалась. Нормальная фаза часто завершается опубликованием «манифеста», в котором в общих чертах описывается программа разработки новой научной проблематики и оценка ее перспективности.

Фаза формирования и развития сети. Она характеризуется интеллектуальными и организационными сдвигами, приводящими к объединению исследователей в единый коллектив. Как правило, его основой является новый подход к исследованию научной проблемы, сформулированный лидером исследовательской группы. Обычно такая ситуация вызывает энтузиазм у научной молодежи и приводит под знамена научного лидера определенное число его сторонников. Участники стараются сформировать сеть устойчивых коммуникаций между собой.

Фаза интенсивного развития программы нового направления за счет действий сплоченной группы, которую образуют наиболее активные участники сети коммуникаций. Эта группа формулирует и отбирает для остронаправленной разработки небольшое число наиболее важных проблем (в идеальном случае – одну проблему), в то время как остальные участники сети получают оперативную информацию о каждом достижении новой группировки, ориентируются на нее в планировании своих исследований и обеспечивают тем самым разработку проблематики по всему фронту.

Фаза институционализации новой научной специальности. Научные результаты, полученные сплоченной группой, обеспечивают новому подходу признание сообщества, возникают новые направления исследований, базирующиеся на программе сплоченной группы. При этом, однако, сплоченная группа часто распадается, ее бывшие члены возглавляют самостоятельные группировки, каждая из которых разрабатывает по собственной программе группу специальных проблем. Специальность получает формальные средства организации (журналы, библиографические рубрики, кафедры, учебные курсы, секции в профессиональных ассоциациях и т. п.), и отношения внутри нее снова переходят в нормальную фазу.

В каждой фазе развития такого «невидимого колледжа» самосознание участников формирующейся специальности претерпевает изменения следующим образом: романтический период (по времени совпадающий с нормальной фазой развития специальности); догматический (по времени совпадающий с фазой коммуникационной сети и сплоченной группы); академический (фаза специальности).

Модель описывает полный процесс, включая его успешное завершение. Разумеется, на практике далеко не каждая группа, объединившаяся в сеть, затем достигает фазы сплоченной группы, специальности и т. п. Каждый шаг на этом пути зависит, прежде всего от качества тех научных результатов, которые получены группой [5].

Наука и политика

В традиционном национальном государстве под научной политикой обычно понимается система и институты принятия решений о стратегии развития научно-технического комплекса страны, а также действия по практической реализации этих решений. Вся эта деятельность, за минимальными исключениями, как правило, осуществляется с помощью бюрократического руководства наукой. В отличие от государственно-бюрократического способа управления наукой, современная научная политика развитых стран все больше становится *публичной*. Значительную роль в развитии современной науки начинает играть общественный контроль за состоянием науки и использованием ее достижений. Соответственно, жизненно важным становится постоянный мониторинг отношения общества и населения к науке, отдельным направлениям ее развития, участие науки в разных социальных программах и процессах (образование, экономическая структура общества, инновационная деятельность). Для этой цели политики вместе с научным сообществом постоянно проводят изучение общественного мнения о национальной науке и проблемах ее развития. Эти исследования проводятся в тесном взаимодействии с различными научными институтами, а их результаты широко обсуждаются в обществе [8].

Научное сообщество и общественные движения

Взаимоотношения в треугольнике «государство – научное сообщество – общественные движения» прошли длительный и болезненный процесс сосуществования. Длительное историческое время научная

политика в разных странах и государствах формировалась без обращения к общественному мнению. Более того, иногда предпринимались нескоординированные, малоэффективные попытки противодействовать острой реакции общества на факты, когда развитие науки и технологии приводило к явно нежелательным последствиям (Чернобыльская катастрофа, Арал, энергетическая катастрофа в США и другие случаи бедствий, явно связанные с несовершенством современной науки и техники или с политической безответственностью использования их достижений). Часто реакция государств на эти последствия сводилась к замалчиванию фактов, пропагандистским кампаниям, которые должны были доказать общественности единичность, случайность катастроф; политизации подобного рода инцидентов. В итоге такого рода политика приводила к результатам, прямо противоположным желаемым. Общественные движения, инициированные отдельными событиями или общим ухудшением ситуации, которое так или иначе связывалось с последствиями научно-технического развития, часто приобретали откровенно конфронтационный характер. Все это заставило искать новую стратегию, в поиске которой государство и политики обратились к научному сообществу, которое также часто оказывалось «потерпевшей стороной», принимая не всегда заслуженные упреки общества и страдая от последствий неуклюжих действий государственной бюрократии. Постепенно сформировалась стратегия взаимодействия с общественными движениями. Современная научная политика начинает строиться так, чтобы привить обществу осознание того, что риск, связанный с развитием науки и техники, неотделим от их достижений. Общественность должна быть правильно информирована о природе научного знания, не только о достижениях, возможностях, но и о познавательных границах научного метода, а также о природе технических решений, которые даже в самом лучшем случае оптимальны только с точки зрения ограниченного, заведомо неполного набора критериев [8].

Когнитивная социология науки

Социология научных сообществ в наше время подтвердила свою жизнеспособность и превратилась в прикладную дисциплину, широко связанную с другими областями социологии, информатики, организации науки и т. п.

С другой стороны, современные социальные проблемы науки и научного знания становятся полем широкого изучения самых различных аспектов развития общества (исследования научной политики, социальных аспектов технологического развития и применения технологий, роли научной экспертизы и т. д.). В этой связи на первый план сегодня выходит проблема изучения конструктивной природы и социальной специфики научного познания [9].

Исходным пунктом становления социологии научного познания как новой социологической дисциплины стал агрессивный социологизм ее адептов, получивший название этносоциологии. Ее основной идеей была трактовка научного познания и научного знания как социальных продуктов человеческой деятельности. Как известно, классическая социология науки начала XX века вела себя как довольно осторожная оппозиция позитивистской концепции научного познания как способа получения эмпирического, объективно истинного, методологически регулируемого и проверяемого знания об объективной реальности. Однако в настоящее время ситуация с философской рефлексией науки и природы научного познания существенно изменилась. Позитивистский идеал научного знания как совокупности логически непротиворечивых высказываний о реальности (природе и обществе) уже не просто критикуется (его принципиальная ограниченность была выявлена еще в середине прошлого века), но и объявляется лишь одним из возможных вариантов **конструирования** знания. В основе процесса научного познания всегда лежит определенная система явных или неявных социальных и культурных предпосылок, на которые всегда опирается любой субъект научного познания, будь то научное сообщество или отдельный конкретный ученый. В отличие от позитивизма современные представители социологии знания уже сознательно опираются на положения новой теории научного познания – конструктивистской эпистемологии.

Сторонники социологии научного знания и эпистемологического конструктивизма в равной степени придерживаются того взгляда, что ни научное познание, ни научное знание в строгом смысле слов не являются ни абсолютно объективными, ни абсолютно истинными [18; 19; 20]. Они получают такой статус лишь в результате научной коммуникации, реально обозначая лишь общезначимый для конкретного научного сообщества характер содержания некоторой научной реальности и знания о ней. Любые виды знания, в том числе научное знание, производятся людьми на основе определенных ресурсов существующей культуры. А старые знания – это необходимая часть того сырья, которое используется для конструирования нового. Это означает, что само понимание того, что такое знание и наука, во многом определено социокультурными предпосылками, а потому вовсе не обязательно построено на чисто рациональном фундаменте [14].

В противовес методам классической социологии науки в социологии научного знания в качестве главных методов научного познания считаются конструирование научной реальности и знания о ней и фундаментальная роль коммуникаций членов научного сообщества при оценке содержания любых единиц научного знания в ходе межличностного общения (в лаборатории, на семинарах и т. п.). Представители социологии научного знания видят ее преимущество в том, что она изучает непосредственное взаимодействие людей в «естественной», привычной для них среде и те его формы, которые имеют место в реальной жизни научного сообщества [9]. При таком подходе акцент делается на объяснении механизмов преодоления разногласий и **формирования консенсуса** в исследовательской группе. Социальная обусловленность научного знания при этом подходе выступает в специфической форме – форме достижения консенсуса, который рассматривается как механизм признания утверждений в качестве истинных. Именно благодаря консенсусу вырабатывается базис достоверных и очевидных утверждений, которым затем приписывается объективно истинное значение [17; 18; 19].

Важнейшее положение конструктивистской интерпретации научного познания – понимание научной реальности как артефакта, как конструкта, формирующегося в ходе исследовательской работы [10]. Изучение конкретных форм коммуникации ученых позволяет понять, по мнению сторонников социологии научного знания, как объекты «производятся в лаборатории» и как утверждения ученых получают статус «природных фактов». Таким образом, наука и научное познание оказываются социально-конструктивными в трех отношениях:

- 1) в понимании науки как особого социального института, как объективной структуры по производству и применению научного знания;
- 2) в понимании артефактической, субъект-объектной природы научной реальности;
- 3) в понимании конструктивного характера научного познания и всех его методов и средств [11; 13; 15].

Более подробное изложение содержания конструктивистской эпистемологии как современной парадигмы научного познания, альтернативной всем прежним его философским теориям: эмпиризму, априоризму, материализму и дуализму, содержится в ряде наших монографий [16; 17; 18; 19].

Литература

[1]. Лебедев С. А. Социология научного знания (программа спецкурса) // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 83-86.

[2]. Лебедев С. А. Социология научного менеджмента (программа спецкурса) // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 89-92.

[3]. Лебедев С. А. Наука как социально-инновационная деятельность // Гуманитарный вестник. 2023. №3(101). Порядковый номер 3.

[4]. Лебедев С. А., Авдулов А. Н., Барботько Л. М., Бромберг Г. В., Войтов В. А., Аллахвердян А. Г., Володарская Е. А., Кулькин А. М., Маршакова-Шайкевич И. В., Мирская Е. З., Мирский Э. М., Юдин Б. Г. Философия науки. Наука как инновационная деятельность (под общей ред. С.А. Лебедева). Уфа. Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. 2009. – 488с.

[5]. Лебедев С. А., Авдулов А. Н., Бромберг Г. В., Володарская Е. А., Кулькин А. М., Маршакова-Шайкевич И. В., Миронов А. В., Мирский Э. М., Савельева О. О. Наука России на пороге XXI века: проблемы организации и управления (под редакцией С.А. Лебедева). М.: Университетский гуманитарный лицей. 2000. – 308 с.

[6]. Лебедев С. А., Ковылин Ю. А. Философия научно-инновационной деятельности. М.: Академический проект. 2012. -182 с.

[7]. Мирский Э. М. Социология науки: новые вызовы. Наука. Инновации. Образование. 2012. Т.7. №1. 7-23.

[8]. Мирский Э. М., Юдин Б. Г. Человеческое измерение НТП. Наука. Инновации. Образование. 2011. Т.6. №1. 25-45.

[9]. Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс. 1983.- 253 с.

[10]. Лебедев С. А. Научная реальность как онтологический конструкт//*Studia Humanitatis Borealis*. Северные гуманитарные исследования. 2025. №4 (37). С. 3-15.

[11]. Лебедев С. А. Философия и методология науки. Актуальные проблемы. М.: Издательство Московского университета. 2024.-575 с.

[12]. Лебедев С. А. Философия науки. Учебное пособие для аспирантов. М.: Проспект.2026.-176 с.

[13]. Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект. 2024.-352 с.

[14]. Лебедев С. А. Философия и наука. М.: Академический проект. 2025.-316 с.

[15]. Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука. Сборник статей. М.: Проспект. 2023. -720 с.

[16]. Лебедев С. А. Методологическая культура ученого. В 2-х . Т.2. М.: Проспект. 2021. – 216 с.

[17]. Лебедев С. А. Конструктивистская эпистемология. М.: Академический проект. 2026.- 325 с.

[18]. Лебедев С. А. Конструктивистская парадигма научного познания. Часть I // Журнал философских исследований. 2025. Т.11. № 3. С. 17-32.

[19]. Лебедев С. А. Конструктивистская парадигма научного познания. Часть II // Журнал философских исследований. 2025. Т.11. № 3. С. 3-18.

[20]. Merton R. K. *Science. Technology. Society in Seventeenth Century England*. New York. 1970. P.55-111.

References

[1]. Lebedev S.A. *Sociology of Scientific Knowledge (Special Course Program)*// *Sociological Research*. 1993. No.5. pp. 83-86.

[2]. Lebedev S.A. *Sociology of Scientific Management (Special Course Program)*// *Sociological Research*. 1993. No. 5. pp. 89-92.

[3]. Lebedev S.A. *Science as a Socially Innovative Activity*// *Humanitarian Bulletin*. 2023. No. 3(101). Serial Number 3.

[4]. Lebedev S.A., Avdulov A.N., Barbotko L.M., Bromberg G.V., Voitov V.A., Allahverdyan A.G., Volodarskaya E.A., Kulkin A.M., Marshakova-Shaikevich I.V., Mirskaya E.Z., Mirsky E.M., Yudin B.G. *Philosophy of Science. Science as an innovative activity (under the general editorship of S.A. Lebedev)*. Ufa. Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy. 2009. – 488 p.

[5]. Lebedev S.A., Avdulov A.N., Bromberg G.V., Volodarskaya E.A., Kulkin A.M., Marshakova-Shaikevich I.V., Mironov A.V., Mirsky E.M., Savelyeva O.O. *Russian Science on the Threshold of the 21st Century: Problems of Organization and Management (edited by S.A. Lebedev)*. Moscow: University Humanitarian Lyceum. 2000. – 308 p.

[6]. Lebedev S.A., Kovylin Yu.A. *Philosophy of Scientific and Innovative Activity*. Moscow: Academicheskyy Proekt. 2012. -182 p.

[7]. Mirsky E.M. *Sociology of Science: New Challenges*. Science. Innovations. Education. 2012. Vol. 7. No. 1. 7-23.

[8]. Mirsky E.M., Yudin B.G. *The Human Dimension of Scientific and Technological Progress*. Science. Innovations. Education. 2011. Vol. 6. No. 1. 25-45.

[9]. Malkey M. *Science and Sociology of Knowledge*. Moscow: Progress. 1983. - 253 p.

[10]. Lebedev S.A. *Scientific Reality as an Ontological Construct*//*Studia Humanitatis Borealis*. Northern Humanitarian Studies. 2025. No. 4 (37). pp. 3-15.

[11]. Lebedev S.A. *Philosophy and Methodology of Science. Current Issues*. Moscow: Moscow University Press. 2024. - 575 p.

[12]. Lebedev S.A. *Philosophy of Science. A Textbook for Postgraduate Students*. Moscow: Prospect. 2026. - 176 p.

[13]. Lebedev S.A. *Introduction to the Philosophy of Science: 15 Lectures*. Moscow: Prospect. 2024. - 352 p.

[14]. Lebedev S.A. *Philosophy and Science*. Moscow: Academicheskii proekt. 2025.-316 p.

[15]. Lebedev S.A. *Philosophy. Methodology. Science. Collection of Articles*. Moscow: Prospect. 2023. -720 p.

[16]. Lebedev S.A. *Methodological Culture of a Scientist. In 2 Volumes. 2*. Moscow: Prospect. 2021. – 216 p.

[17]. Lebedev S.A. *Constructivist Epistemology*. Moscow: Academicheskii proekt. 2026.- 325 p.

[18]. Lebedev S.A. *Constructivist Paradigm of Scientific Knowledge. Part I* // *Journal of Philosophical Studies*. 2025. Vol. 11. No. 3. pp. 17-32.

[19]. Lebedev S.A. *The Constructivist Paradigm of Scientific Knowledge. Part II* // *Journal of Philosophical Studies*. 2025. Vol. 11. No. 3. Pp. 3-18.

[20]. Merton R.K. *Science. Technology. Society in Seventeenth-Century England*. New York. 1970. Pp. 55-111.

SCIENCE AS A SOCIAL INSTITUTE AND A CONSTRUCTIVIST FORM OF KNOWLEDGE

LEBEDEV
Sergey

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy,
Bauman Moscow State Technical University, Department
of Philosophy,
Moscow, Russian Federation, saleb@rambler.ru*

Keywords:

scientific profession
sociology of science
epistemology
methods of scientific knowledge

Summary:

This article analyzed two problems: science as a social institution and its characteristics, and science as a constructivist form of cognition. The first problem is central to the sociology of science, while the second is central to the theory of scientific knowledge or epistemology. It is also shown that these problems are interconnected, as they represent different aspects of a more general problem: viewing science as a socially constructive cognitive activity. Sociology examines science as a specific social-cognitive system, the purpose of which is the production and application of scientific knowledge. It focuses on the role and functions of scientific communication within a disciplinary scientific community as the primary actor in scientific activity. The subject of epistemology is the nature of scientific knowledge, its structure and methods for constructing various units of scientific knowledge. The common foundation for the sociology of science and epistemology is the recognition of the social nature of scientific activity and the fundamental role of scientific consensus in generating and legitimizing any results of scientific activity, including the assessment of their cognitive and practical significance.